

НОРМАТИВНАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ПАНПСИХИЗМА

Морозов Константин Евгеньевич – младший научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Статья посвящена нормативной проблеме для панпсихистских взглядов на сознание. Эта проблема возникает, когда панпсихизм сочетается с сентинтизмом. Согласно сентинтизму, сущности, наделенные феноменальным сознанием, обладают особым моральным статусом. Согласно панпсихизму, все сущности во вселенной в той или иной форме имеют феноменальное сознание. Синтез этих позиций приводит к нарушению нормативной асимметрии между живыми и неживыми сущностями и потенциально ведет к пересмотру устоявшихся моральных убеждений. В статье утверждается, что у нас есть хорошие основания в пользу как панпсихизма, так и сентинтизма, а потому мы не можем избежать нормативной проблемы, просто отклоняя одну из позиций. Выделяются четыре стратегии, которые панпсихисты могли бы использовать для решения стоящего перед ними нормативного вызова: сужение морально значимых феноменальных свойств до валентных, отказ от панпсихизма в пользу панпротопсихизма, диссоциация феноменального и нормативного аспектов переживаний, а также пересмотр нашей этики на основе включения в нее новых сущностей. Однако ни одна из стратегий не предоставляет окончательного решения нормативной проблемы, потому что они либо допускают контринтуитивные следствия, либо подрывают мотивацию развития панпсихистских теорий сознания. В заключении делается вывод о том, что нормативная проблема является серьезным препятствием на пути к обоснованию панпсихизма как теории сознания, удовлетворяющей требованиям рефлексивного равновесия.

Ключевые слова: панпсихизм, феноменальное сознание, переживания, квалиа, сентинтенность, моральный статус, философия сознания, рефлексивное равновесие, этика

THE NORMATIVE PROBLEM FOR PANPSYCHISM

Konstantin E. Morozov – Junior Research Fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

This article addresses a normative problem for panpsychist views of consciousness. This problem arises when panpsychism is combined with sentientism. According to sentientism, entities endowed with phenomenal consciousness have a special moral status. According to panpsychism, all entities in the universe have phenomenal consciousness in some form. Synthesizing these positions leads to a violation of the normative asymmetry between living and nonliving entities, and potentially leads to a revision of established moral beliefs. The article argues that we have good reasons for both panpsychism and sentientism, and therefore we cannot avoid the normative problem by simply rejecting one of them. We identify four strategies that panpsychists might employ to address the normative challenge they face: narrowing morally relevant phenomenal properties to valence properties, abandoning panpsychism in favor of panprotopsychism, dissociating the phenomenal and normative aspects of experience, and

revising our ethics to include new entities. However, none of the strategies provides a definitive solution to the normative problem, because they either have counterintuitive implications or undermine the motivation for developing panpsychist theories of consciousness. We conclude that the normative problem poses a serious obstacle to the justification of panpsychism as a theory of consciousness that satisfies the requirements of reflective equilibrium.

Keywords: panpsychism, phenomenal consciousness, experiences, qualia, sentience, moral status, philosophy of mind, reflective equilibrium, ethics

Введение

В своей книге «Теория справедливости» Джон Ролз сформулировал методологию философского исследования, названную им «рефлексивным равновесием» [Ролз, 2010, с. 33]. Этот метод состоит в согласовании наших продуманных суждений, фактических данных и теоретических концепций, призванных объяснить и обосновать наши суждения. Точка, в которой все элементы согласованы друг с другом, и является рефлексивным равновесием. Предполагается, что в процессе такого согласования мы можем пересматривать свои суждения, чтобы привести их в лучшее соответствие с имеющимися у нас данными и иными продуманными суждениями. Результатом подобной процедуры должна стать теория, наиболее полно объясняющая набор наших исходных интуиций и фактических данных. Сам Ролз применял этот метод, чтобы построить нормативную политическую теорию, однако она может быть использована и в иных областях философии, а ее предельной целью может быть даже разработка целостной картины мира.

В этой статье мы используем метод рефлексивного равновесия, чтобы проанализировать согласованность позиций из философии сознания и нормативной этики. Изолированное использование метода в каждой из этих областей дает нам основания в пользу принятия панпсихизма и сентиентизма в качестве правдоподобных гипотез, однако попытка согласовать их сталкивает нас с *нормативной проблемой*. Она состоит в том, что панпсихизм потенциально ведет к значительному пересмотру наших обыденных моральных интуиций и неожиданному расширению перечня существ, обладающих моральным статусом. Эта нормативная проблема сама по себе не является основанием, чтобы отвергнуть панпсихизм, но она заслуживает особого внимания, которое ранее ей не уделялось. На русском языке представлено множество работ, посвященных панпсихизму [Кузнецов, 2015; Кузнецов, 2016; Гаспаров, 2018; Сысоев, 2020; Сысоев, 2022; Сысоев, 2023; Гусев, 2021], но ни одна из них не обращается к потенциальным

нормативным следствиям этой позиции. В англоязычной литературе нормативная проблема также ранее не рассматривалась, хотя некоторое ее предвосхищение можно найти у Чарльза Хартсхорна [Hartshorne, 1997], Фрейи Мэттьюз [Matthews, 2003], Дэвида Скрбины [Skrbina, 2013], Эйнара Бёна [Bohn, 2018], Филипа Гоффа [Goff, 2019], Зака Блэйзи [Blaesi, 2021], Кита Франкиша [Frankish, 2021], Джозефа Готтлиба и Боба Фишера [Gottlieb, Fischer, 2024]. Но никто из них детально не развивал эту идею.

Основания в пользу панпсихизма

Панпсихизм – это теория сознания, согласно которой ментальные свойства являются фундаментальным и вездесущим аспектом нашего мира. В разных формах панпсихизма подобную фундаментальную роль играют различные ментальные свойства¹. В современной философии сознания основной разновидностью панпсихизма является *панэкспериенциализм*, согласно которому фундаментальной является способность к переживанию субъективного опыта [Seager, 1995; Rosenberg, 2004; Strawson, 2016; Goff, 2017]. Другой влиятельной версией является *панквалитизм*, который утверждает фундаментальный статус *квалиа*, т.е. феноменальных свойств субъективного опыта [Chalmers, 2016; Coleman, 2016]. Различие позиций проистекает из того факта, что, согласно панквалитизму, эти феноменальные свойства могут существовать, не будучи реализованными в переживании какого-либо конкретного субъекта.

Этот акцент на переживаниях связан с тем, что современный панпсихизм в первую очередь является попыткой решить *трудную проблему сознания*². Она связана с объяснением того, почему существует феноменальное сознание, т.е. переживаемый в перспективе от первого лица опыт. Феноменальное сознание сущностно отличается от физических процессов и явлений, доступных в перспективе от третьего лица, а потому, как полагается, не может быть объяснено в рамках научного натурализма. Эта проблема связана и с другими теоретическими трудностями из философии сознания, включая

¹ Фундаментальными являются те свойства, которые не конституируются никакими иными свойствами. Например, свойства воды (текучесть, температура и т.д.) конституируются свойствами отдельных молекул H_2O , а потому не являются фундаментальными. Свойства элементарных частиц (масса, заряд, спин и т.д.), напротив, являются фундаментальными, потому что не конституируются ничем иным.

² Существует также *панкогнитивизм*, в котором рациональность является фундаментальным свойством. Сегодня мало кто отстаивает панкогнитивизм, за исключением Карлоса Монтемайора [Montemayor, 2019].

проблемы ментальной каузации и сильной эмердженции. Первая из них связана с вопросом о том, как феноменальное сознание, будучи нефизическим, может воздействовать на физический мир.

Вторая проблема связана с вопросом о том, как высокоуровневое феноменальное сознание возникло в ходе естественной эволюции, если оно не может быть сведено к низкоуровневым физическим свойствам. В науке известны примеры инструментальной эмердженции, когда какая-либо физическая система имеет свойства, не присущие ни одной из ее низкоуровневых частей, однако это макросвойство может быть объяснено через взаимодействие составляющих его частей. Возникновение феноменального сознания – это пример не инструментальной, а сильной эмердженции, поскольку оно представляет собой не только возникновение нового типа свойств, но также не может быть объяснено через взаимодействия на микроуровне. Подобную сильную эмердженцию трудно объяснить в рамках натурализма, в котором действуют методологические принципы *Ex nihilo nihil fit* («Ничто не возникает из ничего») и *Natura non facit saltus* («Природа не делает скачков»)³.

Панпсихизм востребован среди философов как одно из наиболее теоретически экономных решений обозначенного круга проблем. Утверждая фундаментальность ментальных свойств, панпсихисты объясняют их происхождение, не допуская при этом сильной эмердженции. В то же время панпсихизм может решить проблему ментальной каузации, потому что рассматривает феноменальные свойства как часть внутренней природы всех физических сущностей, которая необходима им для реализации своей казуальной силы⁴ [Mørch, 2014; Chalmers, 2016; Goff, 2017].

При этом панпсихисты не утверждают, что фундаментальные сознательные свойства подобны сложному человеческому или животному сознанию. С их точки зрения, фундаментальными являются лишь некоторые примитивные или зачаточные ментальные свойства, которые тем не менее формируют более сложное человеческое или животное сознание. Это ведет к различию между микро- и макросознательными свойствами. Первые существуют на уровне базовых составных компонентов реальности, таких как элементарные частицы, тогда как макросознательные свойства – на уровне сложных живых

³ То, что кажется нам сильной эмердженцией, может оказаться инструментальной из-за неполноты нашего знания: мы можем просто не знать каких-то фактов, необходимых для объяснения сознания через микроуровневые свойства. Однако панпсихисты считают, что феноменальные свойства принципиально не поддаются редуктивному объяснению [Чалмерс, 2013].

⁴ В защиту этого панпсихисты говорят, что их модель ментальной каузации является единственной, которая сочетает каузальную замкнутость физического и антиредукционизм в отношении квалиа, избегая при этом эпифеноменализма.

организмов, таких как люди⁵. Разные версии панпсихизма предполагают разные механизмы такого формирования. В *конститутивном панпсихизме* микросознательные свойства конституируют или составляют сложное феноменальное сознание [Roelofs, 2019]. В *эмерджентном панпсихизме* сложное феноменальное сознание является каузальным продуктом взаимодействий микросознательных сущностей. В двухуровневой версии этой позиции микро- и макросознание сосуществуют параллельно друг другу [Rosenberg, 2004; Brüntrup, 2016], тогда как в *фьюзионистском панпсихизме* микросознательные сущности в некотором роде «сливаются», порождая единое сознание на макроуровне [Mørch, 2014; Seager, 2016].

Таким образом, панпсихизм близок к теории сознания, которая достигает рефлексивного равновесия, поскольку ему удастся наиболее экономным способом согласовать убеждение о реальности нефизического феноменального сознания с натуралистическими установками, попутно решая основной перечень проблем из философии сознания. При этом панпсихизм не лишен своих собственных проблем, главной из которых является *комбинаторная проблема* [Сысоев, 2023]. Она проистекает из объяснительного пробела между фактами сознания на микро- и макроуровне: как именно микросознательные свойства участвуют в порождении нашего сложного сознания? Панпсихистам предстоит проделать еще много работы для обоснования своей теории, но с учетом обозначенных выше соображений в первом приближении мы можем считать панпсихизм правдоподобной *гипотезой* о природе сознания.

Основания в пользу сентиентизма

Сентиентизм – это теория морального статуса, согласно которой подобным статусом обладают все сущности, наделенные *сентиентностью*. Иногда сентиентность определяют как способность реагировать на внешнюю среду или даже более узко – как способность чувствовать боль и удовольствие, однако в философии этот термин используется как синоним феноменального сознания. Обладание какой-либо сущностью моральным статусом означает, что по отношению к этой сущности действуют моральные ограничения. Например, было бы морально неправильно наступить на белку, но не на желудь.

⁵ Это представление характерно для *микropsихизма*, в котором фундаментальным уровнем реальности являются элементарные частицы и их взаимодействия [Chalmers, 2016; Coleman, 2016; Strawson, 2016]. Альтернативным подходом является *космопсихизм*, согласно которому вселенная как единое целое является фундаментальным уровнем и имеет какую-то форму сознательного опыта [Rosenberg, 2004; Nagasawa, Wager, 2016; Goff, 2017].

Эта асимметрия основана на том, что у белки есть моральный статус, а у желудка – нет. Таким образом, сентиентизм – это теория, которая утверждает, что моральные ограничения действуют только по отношению к существам, обладающим феноменальным сознанием.

Сентиентизм исходит из того, что определенные феноменальные состояния сами по себе имеют нормативный вес в силу своего качественного аспекта. Например, было бы неправильно причинять боль кому-либо, не имея на то каких-либо веских оснований. И причина, по которой боль имеет такой особый статус, в том, как боль переживается от первого лица – ей свойственны особые качественные неприятности. На это можно возразить, что нормативный статус боли определяется не ее качественным аспектом, а чем-то иным. Например, это могут быть определенные ассоциированные с болью поведенческие диспозиции, нейрофизиологические процессы или вербальные отчеты.

Однако ничего из того, что может охарактеризовать боль в перспективе от третьего лица, не может удовлетворительно объяснить ее особый нормативный статус. Франсуа Каммерер предлагает такой воображаемый пример, чтобы показать нормативную релевантность именно феноменального аспекта боли [Kammerer, 2019, p. 899]. Представьте мужчину, который страдает от необычного заболевания. Каждую ночь он просыпается и на протяжении двух часов мучается в ужасной агонии в полном параличе. Но после того, как он повторно засыпает, этот мужчина забывает о своих мучениях. Из-за этого его страдания никак не выражаются в поведении или вербальных отчетах, хотя то, что происходит с этим человеком, ужасно, и было бы морально неправильно намеренно вызвать подобное состояние у другого человека.

На это все еще можно возразить, что, даже если страдания мужчины никак не выражаются в его поведении или вербальных отчетах, в его нервной системе все еще происходят процессы, ассоциированные с болью, и это можно зафиксировать с помощью аппарата ЭЭГ. Но у этой апелляции к нейрофизиологии есть две проблемы. Во-первых, мы судим об особом нормативном статусе боли даже в том случае, если ничего не знаем о человеческой нейрофизиологии⁶. Во-вторых, знания о нейрофизиологических процессах неинформативны в отрыве от интроспективных отчетов о феноменальных состояниях, сопровождающих эти процессы. Мы могли бы проанализировать мозговую активность двух людей, один из которых испытывает острую боль, а другой – удовольствие, и у нас

⁶ Это не значит, что факты человеческой физиологии полностью иррелеванты этике. Нейрофизиологические процессы каузально связаны с феноменальными состояниями, а потому мы можем судить о нормативном статусе этих процессов на основе оценок сопутствующих им переживаний.

не было бы способа установить, кто из них в каком переживании находится, пока они сами не скажут о том, какое чувство они переживают⁷.

Таким образом, феноменальный аспект наших переживаний релевантен для этики, а сама способность иметь феноменальные переживания является критерием морального статуса. Но сентиентисты расходятся друг с другом в том, является ли этот критерий единственным. *Сильные сентиентисты* считают, что феноменальное сознание – это единственное, что определяет моральный статус какой-либо сущности [Seager, 2001]. *Слабые сентиентисты*, в свою очередь, считают феноменальное сознание лишь одним из критериев морального статуса [Dung, 2024]. Например, слабые сентиентисты могут считать, что когнитивная сложность в отрыве от феноменальности также является критерием для определения морального статуса.

Однако слабый сентиентизм сталкивается с объяснительной проблемой: является ли когнитивная сложность морально значимой сама по себе или потому что она открывает новые возможности для более сложного феноменального опыта? Против слабого сентиентизма можно предложить такого рода воображаемый пример. Представьте китайского робота из мысленного эксперимента Неда Блока [Block, 1978]. Будучи функциональным дубликатом человека, этот робот сравним с человеком в своей когнитивной сложности, но лишен каких-либо субъективных переживаний. Интуитивно правдоподобно, что, не будучи сопряженной с феноменальными состояниями, эта когнитивная сложность не имеет никакого особого морального значения. Можно представить и обратный пример – слайм, примитивное студенистое существо. Допустим, слайм способен испытывать боль, но не обладает никакими когнитивными способностями вообще. Даже если моральный статус слайма ниже, чем у более развитых животных и людей, кажется правдоподобным, что было бы проблематично причинять этому существу боль, не имея на то хороших оснований.

Эти примеры показывают, что когнитивная сложность не имеет самостоятельной ценности в отрыве от феноменального опыта. И, напротив, феноменальный опыт как таковой имеет ценность вне зависимости от когнитивной структуры. Сложность этой структуры имеет моральное значение постольку, поскольку делает возможным более сложный и богатый феноменальный опыт. Поэтому у нас есть хорошие основания полагать, что все и только сущности с феноменальным сознанием обладают независимым моральным статусом.

⁷ Помимо этого, аргументом в пользу сентиентизма является тот факт, что только сознательные сущности способны быть субъектами благополучия [Van der Deijl, 2020; Lee, 2022].

Нормативная проблема

Нормативная проблема для панпсихизма возникает в тот момент, когда мы пытаемся согласовать эту позицию с сентиентизмом. Панпсихизм утверждает, что все сущности обладают феноменальными свойствами, а сентиентизм утверждает, что все сущности с феноменальными свойствами имеют моральный статус. На основании этого панпсихисты должны утверждать, что все сущности во вселенной обладают моральным статусом. Но это, как кажется, подрывает саму идею морального статуса, потому что устраняет нормативную асимметрию между сознательными и несознательными сущностями. Если каждая сущность во вселенной сознательна, то каждая из них имеет моральную ценность, а обращение с ней подлежит моральным ограничениям.

Нормативная проблема панпсихизма, таким образом, является инверсией такой же проблемы для иллюзионизма⁸ [Kammerer, 2019; Kammerer, 2022]. Иллюзионизм – это теория сознания, согласно которой не существует феноменального опыта, но есть лишь иллюзия такого опыта. Если иллюзионизм и сентиентизм одновременно верны, то это ведет к тому, что ни одна сущность во вселенной действительно не имеет морального статуса, что предполагает что-то вроде метаэтической теории ошибок [Mackie, 1977]. Поэтому иллюзионисты стоят перед необходимостью разработать альтернативный критерий морального статуса, который не отсылал бы к феноменальным переживаниям, но это отнюдь не тривиальная задача.

Цель панпсихистов противоположна – дать объяснение, почему универсальность и вездесущность феноменального опыта не ведет к вездесущности морального статуса⁹. В оставшейся части статьи мы рассмотрим некоторые из стратегий, которые могут выбрать панпсихисты, и покажем, почему на данный момент панпсихизм не может сформулировать полностью удовлетворительного решения нормативной проблемы.

1. Стратегия узкого сентиентизма. Сперва панпсихисты могут уточнить свою позицию, выбрав *узкий сентиентизм*. Согласно этому взгляду, не любые феноменальные состояния имеют моральную значимость, но лишь некоторые из них. *Валентные сентиентисты*, например, признают моральную значимость только валентных

⁸ Джонатан Бёрч формулирует похожую проблему для физикализма типа Б [Birch, 2022].

⁹ Далее мы сосредоточимся на микропсихизме, хотя все, что будет о нем сказано, без труда можно перевести в разговоры о космопсихизме. Единственная версия космопсихизма, которая избегает изложенной здесь проблемы, – это *рестриктивный панпсихизм* [Сысоев, 2024]. Он также имеет собственные этические следствия, но они заслуживают отдельного обсуждения.

переживаний, которые ощущаются как приятные или неприятные, вроде боли и удовольствия. В таком случае и моральным статусом обладают лишь те сущности, которые способны на переживания подобного рода.

Основным возражением против валентного сентиентизма является *аргумент вулканцев* [Chalmers, 2022, p. 417–419]. Вулканцы – это воображаемые существа, у которых есть феноменальное сознание, но нет валентных переживаний¹⁰. Хотя вулканцы не чувствуют боли и удовольствия, они способны заниматься философскими рассуждениями, размышлять о смысле жизни, ставить перед собой долгосрочные цели и т.д. Хотя у вулканцев нет валентных переживаний, их жизнь все равно имеет ценность, потому что они способны к реализации неаффективных аспектов благополучия.

Аргумент вулканцев можно интерпретировать как довод в пользу широкого сентиентизма, и в таком случае он реактуализирует нормативную проблему панпсихизма. Но можно сформулировать промежуточную позицию между валентной и широкой – *мотивационный сентиентизм* [Roelofs, 2023]. Согласно этой позиции, моральный статус связан со способностью к мотивирующим переживаниям, которые создают для субъекта основания для действий. Поскольку вулканцы способны ставить перед собой долгосрочные цели, у них есть этот тип переживаний, пусть даже их мотивация не включает в себя аффективный аспект. Но поскольку не все сущности будут обладать этим типом переживаний, мотивационный сентиентизм позволяет избежать значительного пересмотра существующей этики и радикального расширения круга сущностей с моральным статусом.

Стратегия узкого сентиентизма, однако, сталкивается с определенными трудностями. Мы можем судить о феноменальных состояниях других людей или животных со схожим строением по аналогии с теми состояниями, которые испытываем мы сами. Однако мы ничего не знаем о том, какие переживания имеют микросознательные сущности. Поэтому у нас нет хороших оснований предполагать, что у этих сущностей нет валентных или мотивирующих переживаний. У нас также нет оснований предполагать их наличие, но сама его возможность создает моральные проблемы для наших взаимодействий с этими сущностями. Вернемся к примеру слайма. Представим на этот раз, что мы не знаем точно, способен ли слайм испытывать боль или что-то похожее на нее. Даже в таком случае было бы морально осмотрительно ограничить наши взаимодействия с таким существом, чтобы избежать нежелательных моральных рисков. Тогда,

¹⁰ Дэвид Чалмерс заимствует название у инопланетной расы из сериала «Звездный путь» (1966–1969). Однако вулканцы из «Звездного пути» не похожи на существ, которых описывает Чалмерс, поскольку сериальные вулканцы способны к валентным переживаниям.

если мы предполагаем, что у микросознательных сущностей может быть какая-то форма валентных или мотивирующих переживаний, то во избежание рисков нам следует ограничить свои взаимодействия с ними.

На это можно возразить, что способность к валентным переживаниям вроде боли связана со сложноорганизованной нервной системой. Опыт микросознательных сущностей должен быть гораздо примитивнее. Однако подобный ответ подрывает мотивацию для развития панпсихизма. Валентные и мотивирующие переживания имеют особый качественный аспект, который определяет их особый нормативный вес. Если мы допускаем редуктивное объяснение этих квалиа, то у панпсихизма нет объяснительных преимуществ перед редуктивным физикализмом. Но если мы считаем валентные и мотивирующие квалиа нередуцируемыми, то они должны быть либо фундаментальными, либо эмерджентными. В первом случае панпсихизм сталкивается с нормативной проблемой, а во втором – лишается антиэмерджентистской мотивации¹¹.

2. Панпротопсихистская стратегия. Другое решение нормативной проблемы можно найти в рамках *панпротопсихизма* [Chalmers, 2016; Coleman, 2016]. Согласно этой позиции, фундаментальными и вездесущими являются лишь протофеноменальные свойства, которые имеют лишь *потенциал* к порождению феноменального сознания. Основной версией панпротопсихизма является обсуждаемый выше панквалитизм, согласно которому фундаментальными являются квалиа, которые имеют потенциал для реализации в сознании какого-либо субъекта.

На первый взгляд, панквалитизм решает как нормативную проблему, так и проблему сильной эмерджентности. Эта позиция утверждает, что квалиа, включая валентные и мотивирующие, фундаментальны и вездесущи, а потому не происходит никакой сильной эмерджентности этого типа свойств. Однако на микроуровне эти квалиа остаются нереализованными, а потому у микросущностей не возникает никакого особого морального статуса. Валентные и мотивирующие квалиа реализуются лишь в сознании субъектов на макроуровне, и только они имеют моральный статус.

Но при близком рассмотрении панквалитизм не решает проблему сильной эмерджентности, а всего лишь переносит ее на иной уровень. Ведь в рамках панквалитизма происходит сильная эмерджентность не сознательных свойств, но сознательных субъектов. Иначе говоря, даже если панквалитистам не нужно объяснять возникновение в мире нового типа *свойств*, им нужно объяснить возникновение

¹¹ Годехард Брюнtrup дополнительно различает сильную и суперсильную эмерджентность, чтобы показать, что даже эмерджентный панпсихизм сохраняет эту мотивацию [Brüntrup, 2016].

нового типа *сущностей*, реализующих эти свойства. А объяснения, задействующие сильную эмерджентность, также подрывают мотивацию для развития панпсихизма.

3. Стратегия диссоциации. Другой путь решения нормативной проблемы панпсихистам могут подсказать их оппоненты в дискуссиях о сознании – иллюзионисты. Каммерер предполагает, что мы можем диссоциировать феноменальный аспект переживаний и их оценку [Kammerer, 2019, р. 909–910]. Идея в том, что нормативный статус переживаний основан не на их качественных характеристиках, а на оценочном отношении, которое субъект переживаний к ним вырабатывает. При этом подобное оценивание своих переживаний – это то, о чем мы можем говорить в чисто функциональных терминах. Так, Каммерер хочет показать, что боль может быть нормативно оценена даже в том случае, если это переживание исчерпывающе описывается своими функциональными аспектами и не содержит никаких феноменальных характеристик. В сущности, это отказ от сентиентизма.

Панпсихисты не обязаны соглашаться, что переживания вообще не содержат феноменальных характеристик, но также могут отрицать их релевантность нормативной оценке. В таком случае моральный статус будут иметь только достаточно когнитивно развитые сущности, которые могут вынести оценку своим переживаниям. Простейшие же сущности, даже если они способны к валентным переживаниям, окажутся лишены морального статуса.

Однако против подобной диссоциации переживаний снова можно привести примеры китайского робота и слайма. В силу своего функционального подобия человеку китайский робот в принципе способен оценить свои переживания, хотя они лишены какого-либо феноменального аспекта. Слайм, напротив, не способен ни на какую оценку. Однако из них двоих только слайм претендует на статус существа с моральным статусом. Даже если слайм не может вынести оценку своим болезненным переживаниям, было бы морально проблематично мучить его безо всякой причины или ради простого садистского удовольствия. И, напротив, если китайский робот действительно ничего не чувствует, то у нас нет оснований заботиться о его благополучии¹². При этом можно согласиться, что когнитивная

¹² Многие люди находят интуитивно правдоподобным, что в отношении роботов, функционально подобных людям, все-таки действуют некоторые моральные ограничения. Я думаю, эта интуиция опирается на одно из двух соображений. Во-первых, поскольку мы не знаем, как именно присущая нам нейрофизиология порождает сознание, правдоподобно допустить, что все существа, функционально подобные нам, также будут иметь схожие феноменальные состояния [Чалмерс, 2013, с. 342]. Но если бы мы знали, что функционального подобия недостаточно для феноменального сознания, китайский робот не имел бы морального

сложность играет особую роль в конституировании благополучия, а потому когнитивно сложные существа имеют более весомый моральный статус. Но даже в таком случае существа, подобные слайму, должны иметь хотя бы минимальный моральный статус, и поэтому нормативная проблема для панпсихизма сохраняется.

Панпсихист мог бы сопротивляться этому выводу, утверждая, что у когнитивно простых существ нет морального статуса, поскольку у них вообще нет благополучия. С этой точки зрения благополучие состоит не просто в переживании определенного феноменального опыта, но в осознанном наслаждении этим опытом. Однако этот ответ можно заблокировать двумя путями. С одной стороны, можно согласиться, что благополучие требует возможности осознанно наслаждаться каким-то опытом, но при этом отрицать, что моральный статус требует способности к благополучию. Было бы морально неправильно мучить слайма ради своего удовольствия, даже если это существо не способно быть субъектом благополучия – достаточно его способности испытывать боль. С другой стороны, можно утверждать, что простой способности испытывать боль достаточно, чтобы считаться субъектом благополучия. Для слайма было бы лучше прожить безболезненную жизнь, чем жизнь, полную страданий. Но в таком случае мы вполне можем считать слайма субъектом благополучия, пусть качество его жизни зависит только от одного блага – свободы от страданий. Как первый, так и второй ответ снова актуализируют нормативную проблему для панпсихизма.

4. Манихейская стратегия. Вопреки всем предыдущим вариантам, панпсихисты могут просто принять тот факт, что их позиция ведет к пересмотру наших текущих моральных убеждений. Само по себе это не является аргументом против панпсихизма. На протяжении истории люди многократно переосмыслили свои позиции по разным этическим проблемам, и до сих пор логикой этих изменений было расширение перечня сущностей, на которых мы распространяем действие морали. Сентиентизм в первую очередь ассоциируется с наделением животных моральным статусом, а потому

статуса. Во-вторых, даже если у китайского робота нет собственного морального статуса, для нас может быть неправильно совершать с ним определенные действия, потому что это выражает плохой моральный характер. Например, пытаться функционально подобному человеку робота плохо, даже если он не испытывает реальной боли, потому что хороший человек не может осуществлять пытку кого-то, кто реагирует на боль как чувствующий человек [Sparrow, 2017]. В таком случае у нас есть моральные ограничения в нашем обращении с роботами, но у самих роботов тем не менее нет ни благополучия, ни морального статуса.

дальнейшее расширение перечня сущностей с таким статусом выглядит заманчивым для тех, кому симпатичен сентиентизм¹³.

Некоторые панпсихисты действительно утверждали, что их позиция имеет нормативные следствия в том, что касается защиты окружающей среды [Hartshorne, 1997; Matthews, 2003; Skrbina, 2013; Goff, 2019; Gottlieb, Fischer, 2024]. Само название этой стратегии отсылает к манихейству – религиозному учению, включавшему в себя элементы панпсихизма. Манихеи верили, что вся природа имеет душу, а потому даже хождение по земле или работа в поле причиняет природе боль и, соответственно, является греховной [Смагина, 2011, с. 352]. Современные панпсихисты в каком-то роде возрождают эту линию мысли. С этой точки зрения если вся вселенная в каком-то роде сознательна, то у нас есть моральные обязательства заботиться о природе¹⁴. Преимущество этой точки зрения в том, что ее пересмотр устоявшихся моральных убеждений не столь радикален. На фоне глобального антропогенного изменения климата идея особых обязательств по защите окружающей среды не звучит столь уж странной или контринтуитивной.

Но панпсихизм предполагает заботу не только о живых существах, но и неживых объектах окружающей среды. Нынешняя же озабоченность изменением климата и загрязнениями связана с благополучием людей и животных. Сохранятся ли наши обязательства заботиться об окружающей среде, если эта среда не будет населена никакими живыми существами? Возможно, мы обязаны сохранять природные объекты из-за их эстетической ценности, как в случае с произведениями искусства. Но озабоченность сохранением эстетических объектов также связана с той ценностью, которую такие объекты представляют для своих потенциальных наблюдателей. Таким образом, интуитивность обязанностей по сохранению неживых объектов чаще всего отсылает к интересам каких-либо живых существ, а потому эта интуитивность вовсе не демонстрирует привлекательность панпсихизма. Ведь панпсихисты должны утверждать самоценность неживых объектов, и поэтому им необходимы иные аргументы в пользу пересмотра нашей обыденной этики, которые не отсылали бы к благополучию *живых* существ.

¹³ Такого рода аргумент в пользу наделяния несознательных сущностей моральным статусом предлагает Шелли Кейган [Kagan, 2016], хотя его цель – свести сентиентизм к абсурду. Критику Кейгана см.: [Lee, 2022].

¹⁴ Эту точку зрения можно сравнить с объектно-ориентированной онтологией [Харман, 2015; Брайант, 2019; Мортон, 2019]. Кристин Корсгаард также отстаивала позицию, что наши моральные обязательства распространяются на неживые объекты, включая окружающую среду и произведения искусства [Korsgaard, 2013], но не на панпсихистских основаниях.

Заключение

У нас есть хорошие основания поддерживать как панпсихизм, так и сентиентизм. Но попытка сочетать эти позиции ведет к контринтуитивным этическим следствиям, что мы можем назвать нормативной проблемой для панпсихизма. Эта проблема не изолирована, но тесно связана с более обсуждаемой комбинаторной проблемой. И, как и в случае комбинаторной проблемы, у панпсихистов есть несколько стратегий для решения проблемы нормативной. Однако ни одно из этих решений не лишено изъянов, а потому было бы неосмотрительно просто игнорировать неожиданные этические следствия панпсихизма. Проработка этих нормативных выводов требует отдельного внимания со стороны философов, симпатизирующих панпсихизму, чтобы привести эту позицию к рефлексивному равновесию. И хотя нормативная проблема не является решающим доводом против панпсихизма, она может пролить свет на интуитивное неприятие, с которым эта позиция часто сталкивается¹⁵.

Список литературы

- Брайант, 2019 – *Брайант Л.Р.* Демократия объектов / Пер. с англ. О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.
- Гаспаров, 2018 – *Гаспаров И.Г.* Панпсихизм в поисках самоопределения // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 212–219.
- Гусев, 2021 – *Гусев А.А.* Панпсихизм в современной аналитической философии сознания // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 85–103.
- Кузнецов, 2015 – *Кузнецов А.В.* Конститутивный панпсихизм и проблема ментальной каузальности // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 6. С. 106–117.
- Кузнецов, 2016 – *Кузнецов А.В.* Аргумент против конститутивного панпсихизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 60–68.
- Мортон, 2019 – *Мортон Т.* Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / Пер. с англ. В. Абраменко. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.
- Ролз, 2010 – *Ролз Дж.* Теория справедливости / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.

¹⁵ Я благодарен Арине Черепановой, Александру Разину, Артёму Беседину, Антону Кузнецову, Матвею Сысоеву, Евгению Логинову, Вадиму Васильеву, Алексею Кардашу, Глебу Милаеву, Кириллу Васильеву, Артёму Юнусову, Александру Гусеву, Константину Фролову, анонимному рецензенту и участникам научной конференции «Проблема опыта в современной философии» Института философии РАН за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли в работе над этой статьей.

Смагина, 2011 – Смагина Е.Б. Манихейство по ранним источникам. М.: Восточная литература, 2011. 519 с.

Сысоев, 2020 – Сысоев М.С. Философия сознания Уильяма Джеймса: между нейтральным монизмом и панпсихизмом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 4. С. 249–265.

Сысоев, 2022 – Сысоев М.С. Фундаментальная перцепция в философии Лейбница и современный панпсихизм // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 202–219.

Сысоев, 2023 – Сысоев М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 2. С. 91–102.

Сысоев, 2024 – Сысоев М.С. Натуралистический панпсихизм в контексте трудной проблемы сознания: дис. ... канд. филос. наук. М., 2024. 213 с.

Харман, 2015 – Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / Пер. с англ. А. Морозова, О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.

Чалмерс, 2013 – Чалмерс Д. Сознający ум: В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В.В. Васильева. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.

References

Birch, 2022 – Birch, J. “Materialism and the Moral Status of Animals”, *Philosophical Quarterly*, 2022, vol. 72, no. 4, pp. 795–815.

Blaesi, 2022 – Blaesi, Z. “The Moral Parody Argument Against Panpsychism”, *Philosophical Studies*, 2021, vol. 179, no. 1, pp. 1821–1852.

Block, 1978 – Block, N. “Troubles with Functionalism”, in: Savage, C.W. (ed.) *Perception and Cognition: Issues in the Foundations of Psychology*. University of Minnesota Press, 1978, pp. 261–325.

Bohn, 2018 – Bohn, E.D. “Normativity All the Way Down: From Normative Realism to Pannormism”, *Synthese*, 2018, vol. 195, pp. 4107–4124.

Brüntrup, 2016 – Brüntrup, G. “Emergent Panpsychism”, in: Brüntrup, G. & Jaskolla, L. (eds.) *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. Oxford University Press, 2016, pp. 48–71.

Bryant, L.R. *Demokratiya ob’ektov* [The Democracy of Objects], trans. by O. Myshkin. Perm: Hyle Press, 2019, 320 p. (Trans. into Russian)

Chalmers, 2016 – Chalmers, D.J. “Panpsychism and Panprotopsyism”, in: Brüntrup, G. & Jaskolla, L. (eds.) *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. Oxford University Press, 2016, pp. 19–47.

Chalmers, 2022 – Chalmers, D.J. *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. W.W. Norton, 2022, 520 p.

Chalmers, D.J. *Soznayushchii um: V poiskakh fundamental’noi teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory], trans. by V.V. Vasilyev. Moscow: URSS: ЛИБРОКОМ, 2013, 512 p. (Trans. into Russian)

Coleman, 2016 – Coleman, S. “Panpsychism and Neutral Monism: How to Make up One’s Mind”, in: Brüntrup, G. & Jaskolla, L. (eds.) *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. Oxford University Press, 2016, pp. 249–282.

Dung, 2024 – Dung, L. “Preserving the Normative Significance of Sentience”, *Journal of Consciousness Studies*, 2024, vol. 31, no. 1, pp. 8–30.

Frankish, 2021 – Frankish, K. “Panpsychism and the Depsychologization of Consciousness”, *Aristotelian Society Supplementary*, 2021, vol. 95, no. 1, pp. 51–70.

Gasparov, I.G. “Panpsikhizm v poiskakh samoopredeleniya” [Panpsychism in the Search of a Self-Definition], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 2, pp. 212–219. (In Russian)

Goff, 2017 – Goff, P. *Consciousness and Fundamental Reality*. Oxford University Press, 2017, 290 p.

Goff, 2019 – Goff, P. *Galileo’s Error: Foundations for a New Science of Consciousness*. Pantheon, 2019, 256 p.

Gottlieb, Fischer, 2024 – Gottlieb, J. & Fischer, B. “The Ethical Implications of Panpsychism”, *Australasian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 102, no. 4, pp. 1030–1044.

Gusev, A.A. “Panpsikhizm v sovremennoi analiticheskoi filosofii soznaniya” [Panpsychism in the Contemporary Analytical Philosophy of Mind], *Philosophical Anthropology*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 85–103. (In Russian)

Harman, G. *Chetveroyakii ob’ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera* [The Quadruple Object], trans. by A. Morozov, O. Myshkin. Perm: Hyle Press, 2015, 152 p. (Trans. into Russian)

Hartshorne, 1997 – Hartshorne, C. *The Zero Fallacy and Other Essays in Neo-classical Metaphysics*. Open Court, 1997, 256 p.

Kagan, 2016 – Kagan, S. “What’s Wrong with Speciesism?”, *Journal of Applied Philosophy*, 2016, vol. 33, no. 1, pp. 1–21.

Kammerer, 2019 – Kammerer, F. “The Normative Challenge for Illusionist Views of Consciousness”, *Ergo*, 2019, vol. 6, no. 32, pp. 891–924.

Kammerer, 2022 – Kammerer, F. “Ethics Without Sentience: Facing Up to the Probable Insignificance of Phenomenal Consciousness”, *Journal of Consciousness Studies*, 2022, vol. 29, no. 3–4, pp. 180–204.

Korsgaard, 2013 – Korsgaard, C.M. “Personhood, Animals, and the Law”, *Think*, 2013, vol. 12, no. 34, pp. 25–32.

Kuznetsov, A.V. “Argument protiv konstitutivnogo panpsikhizma” [Argument Against Constitutive Panpsychism], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, no. 4 (36), pp. 60–68. (In Russian)

Kuznetsov, A.V. “Konstitutivnyi panpsikhizm i problema mental’noi kauzal’nosti” [Constitutive Panpsychism and the Problem of Mental Causation], *Lomonosov Philosophy Journal*, 2015, no. 6, pp. 106–117. (In Russian)

Lee, 2022 – Lee, A.Y. “Speciesism and Sentientism”, *Journal of Consciousness Studies*, 2022, vol. 29, no. 3–4, pp. 205–228.

Mackie, 1977 – Mackie, J.L. *Ethics: Inventing Right and Wrong*. Penguin Books, 1977, 260 p.

Matthews, 2003 – Matthews, F. *For the Love of Matter: A Contemporary Panpsychism*. SUNY Press, 2003, 224 p.

Montemayor, 2019 – Montemayor, C. “Panpsychism and Quantum Mechanics: Explanatory Challenges”, in: Montemayor, C. & de Barros, J.A. (eds.) *Quanta and the Mind: Essays on the Connection between Quantum Mechanics and Consciousness*. Springer, 2019, pp. 151–162.

Mørch, 2014 – Mørch, H.H. *Panpsychism and Causation: A New Argument and a Solution to the Combination Problem*. PhD thesis in Philosophy. Oslo, 2014. 243 p.

Morton, T. *Giperob”ekty: Filosofiya i ekologiya posle kontsa mira* [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World], trans. by V. Abramenko. Perm: Hyle Press, 2019. 284 p. (Trans. into Russian)

Nagasawa, Wager, 2016 – Nagasawa, Y. & Wager, K. “Panpsychism and Priority Cosmopsychism”, in: Brüntrup, G. & Jaskolla, L. (eds.) *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. Oxford University Press, 2016, pp. 113–129.

Rawls, J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: LKI Publ., 2010. 536 p. (Trans. into Russian)

Roelofs, 2019 – Roelofs, L. *Combining Minds: How to Think about Composite Subjectivity*. Oxford University Press, 2019. 360 p.

Roelofs, 2023 – Roelofs, L. “Sentientism, Motivation, and Philosophical Vulcans”, *Pacific Philosophical Quarterly*, 2023, vol. 104, no. 2, pp. 301–323.

Rosenberg, 2004 – Rosenberg, G.H. *A Place for Consciousness*. Oxford University Press, 2004. 344 p.

Seager, 1995 – Seager, W.E. “Consciousness, Information and Panpsychism”, *Journal of Consciousness Studies*, 1995, vol. 2, no. 3, pp. 272–288.

Seager, 2001 – Seager, W.E. “Consciousness, Value and Functionalism”, *Psyche*, 2001, vol. 7, pp. 1–19.

Seager, 2016 – Seager, W.E. “Panpsychism Infusion”, in: Brüntrup, G. & Jaskolla, L. (eds.) *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. Oxford University Press, 2016, pp. 229–248.

Skrbina, 2013 – Skrbina, D. “Ethics, Eco-Philosophy, and Universal Sympathy”, *Dialogue and Universalism*, 2013, vol. 23, pp. 59–74.

Smagina, E.B. *Manikheistvo po rannim istochnikam* [Manichaeism According to Early Sources]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011. 519 p. (In Russian)

Sparrow, 2017 – Sparrow, R. “Robots, Rape, and Representation”, *International Journal of Social Robotics*, 2017, vol. 9, no. 4, pp. 465–477.

Strawson, 2016 – Strawson, G.J. “Mind and Being: The Primacy of Panpsychism”, in: Brüntrup, G. & Jaskolla, L. (eds.) *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. Oxford University Press, 2016, pp. 75–112.

Sysoev, M.S. “Filosofiya soznaniya Uil’yama Dzheimsa: mezhdru neutral’nym monizmom i panpsikhizmom” [William James’s Philosophy of Mind: Between Neutral Monism and Panpsychism], *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 249–265. (In Russian)

Sysoev, M.S. “Fundamental’naya pertseptsiya v filosofii Leibnitsa i sovremennyyi panpsikhizm” [Fundamental Perception in Leibniz’s Philosophy and Contemporary Panpsychism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 202–219. (In Russian)

Sysoev, M.S. “O svyazi trudnoi problemy soznaniya i kombinatornoi problemy panpsikhizma” [On the Relation Between the Hard Problem of Consciousness and

the Combination Problem for Panpsychism], *Vestnik of NarFU. Philosophy*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 91–102. (In Russian)

Sysoev, M.S. *Naturalisticheskii panpsikhizm v kontekste trudnoi problemy soznaniya* [Naturalistic Panpsychism in the Context of the Hard Problem of Consciousness]. PhD thesis in Philosophy. Moscow, 2024, 213 p. (In Russian)

Van der Deijl, 2020 – van der Deijl, W. “The Sentience Argument for Experientialism about Welfare”, *Philosophical Studies*, 2020, vol. 178, no. 1, pp. 187–208.